

ІАНА
БОРИЗ

О ЧЕМ СМЕЕТСЯ
Персефона

Йана Бориз

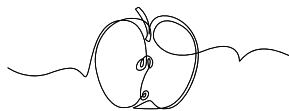
О ЧЕМ СМЕЕТСЯ
Терсефронда

ПРОЛОГ

Густой медный голос Свято-Троицкой колокольни осторожно пополз по Зубовке, свернул на Пречистенку, там осмелел, выпрямился, расправил могучие обертоны и накрыл праздничным перезвоном и каменные боярские хоромы, и дровяные склады, и конюшни вместе с рысаками и клячами, гнусавыми конюхами и неторопливыми фуражирами. Он поднял голову навстречу закату и поклонился недалекому Кремлю, потом, утомившись бубнить басами, рассыпался на сотни теноров. Одни полетели к реке искупаться в сизых осенних водах, другие зацепились за кованые кружева забора и повисли праздничными гирляндами у входа в храм. Люд умиротворялся благозвучием, снимал шапки, крестился. А колокол снова набрался сил и понесся по улице, распахнул глаза Белым палатам князя Прозоровского, приобнял особнячок княжны Салтыковой-Головкиной и подлетел к неприметному, старого фасона дому барона Осинского. Голубая портьера слегка пожеманилась и впустила его внутрь, крышка рояля захлопнулась, стайка фраков и пенсне недружно заплодировала.

— Bravo, Исидора Альбертовна! У вас настоящий талант! — Хозяин дома, благообразный

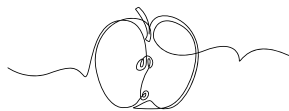
толстячок Витольд Генрихович Осинский, подбежал к бело-розовой музыкантше и склонился над запястьем. Затем, не выпуская нежной ручки, обратился к обществу из шести-семи дам и десятка кавалеров: — Господа, рады приветствовать вас сегодня по поводу столь же чудесному, сколь и ожидаемому. Наш любезный отпрыск Роман Витольдович обручился с прелестной Исидорой, чем порадовал наши с Anastasie сердца. — Он поискал глазами дородную фигуру супруги и слегка поклонился.

Присутствующие снова легонько похлопали и загудели поздравительными речами. Новообрученный Роман Витольдович сиял, как начищенный семисвечный канделябр, — они спорили, кто ярче. Его парадный фрак украшала белая хризантема, сразу снимая все вопросы, кто же тут счастливчик. Старший сын Осинских во всем походил на мать: высокий, статный, полнокровный и громкоголосый. Он любил покутить и подшутить над прислугой, увлекался театром и живописью, музыкой и нарядами. Прелестная Исидора розовела в цвет своего платья и походила на очаровательного поросенка в фестонах и диадеме. Ее не отличали ни томная грация, ни модная лебединость. Она выросла под патронажем бабки — известной интриганки и сплетницы Рогозиной, порывистой и любопытной, слегка ироничной и не в меру самовлюбленной. На самом деле Исидора предпочла бы выйти замуж в сановный Санкт-Петербург, но тут подвернулся приличный и небедный барон, так что судьба и бабка решили все за нее.

Белокаменная принаряжалась к осенним балам, чистила перышки после пыльного и суетливого

лета. Год одна тысяча восемьсот семьдесят первый ознаменовался заключением франко-германского мира, падением Парижа и премьерой постановки Александра Островского «Лес» в столичном Александринском театре. В прошлом году в Москве открыли новый вокзал — Смоленский, а в этом достроили Брестскую железную дорогу. Вскоре в Европу можно будет катить напрямик. Осинские только весной вернулись из затяжного путешествия по Италии, и то лишь по одной причине: Витольду Генриховичу приспичило женить сына. После он с супругой собирался снова отбыть в заморские земли, а молодых оставить хозяйничать и плодиться. Так что железнодорожные новости немало волновали жизнерадостного барона и его верную Anastasie.

Уставший интерьер гостиной явственно демонстрировал, что хозяева давно предпочитали родным стенам заграничные отели. Полосатая обивка выцвела и обтрепалась, паркет пожух, а мебель не меняли со времен Наполеона. Из новоприобретенных Анастасия Зиновьевна могла похвастать только креслами-корытцами. Прихотливая придумка французов оказалась удобной и уместной: ручки покорно склонились рыбьими головами, цвет спелся с красноедеревным буфетом восемнадцатого века. Крышка рояля выцвела прожилками и торчала куском мяса над оскалом клавишных зубов. Лестницу из прихожей на крыльцо устилали ковры — наверное, под ними творился непорядок. Такой дом — деревянный, покосившийся — походил на раненого селезня перед затяжным перелетом на юг. Его лучше бы снести и выстроить новый. Одна радость — пышный сад и вельможное соседство.

Молодой Осинский думал так или примерно так. Он не скрывал мечтаний сменить патриархальные декорации Москвы на прямые линии гордого Санкт-Петербурга, но это деньги и хлопоты, а тут перед Исидориной бабкой распахивались все салоны и приемные.

Гостей на обручение пригласили не много, только ближний круг, просвещенные западники. Аполлон Сергеевич Притворский с густым курчавым безобразием и дорогущим яхонтовым перстнем на мизинце походил скорее на корсара, чем на потомственного дворянина. Его вторая супруга Элоиза не говорила по-русски, зато обладала исключительно длинными и чернящими ресницами. Михаил Серапионович Кава с георгиевской лентой и черной заплаткой вместо левого глаза привел двух холостых сыновей-офицеров, завидных женихов, но позабыл прихватить благоверную Веру Арсеньевну. Впрочем, в обществе уже давно перешептывались, что между ними холодок, у нее прилив набожности, а у самого Кавы горячий роман с оперной профурсеткой Зурой.

Трое женатых кавалеров отрекомендовались товарищами Романа Витольдовича по службе. Их жены ожидаемо превосходили свежестью и красотой представительниц старшего круга, поэтому всех троих сразу и безоговорочно невзлюбили. Еще два холостяка опоздали, но их простили ввиду превосходно надушенных бакенбардов. Самым веселым из приглашенных оказался немецкий банкир Штрудден, склонный к злым насмешкам, зато непревзойденный знаток искусства. Блистательная же бабка Рогозина не посчитала нужным явиться, сославшись

на немощь. На самом деле она просто ленилась натягивать корсет и кринолин, поддерживать разговоры о предметах, в которых ни черта не смыслила.

— Господа, прошу поднять бокалы за наше счастливое возвращение. Мы с Anastasie до чертиков стосковались по дому, по этому обветшалому быту. Теперь, надеюсь, молодые возьмут его в бестрепетные хозяйские руки и наведут порядок. А пока позвольте продемонстрировать *present*^{*}, что мы приготовили их уже зачатой, но еще не рожденной семье и этому любимому всем сердцем гнезду. — Витольд Генрихович пригубил шампанское и протянул руку в сторону второй залы, поменьше. Там размещалась библиотека и по совместительству кабинет. Гости неуверенной струйкой перетекли под арочным сводом и оказались в объятиях высоких стеллажей с одной стороны и выцветших рам — с другой. Посередине комнаты на рабочем столе стояло что-то под белым полотном. Высотой примерно в половину человеческого роста, в обхват — не больше стула.

— Вот, извольте похвалить. Мы с Anastasie заботимся о будущем этого дома и — вуаля! — приобрели на Венецианском аукционе ценнейший мрамор работы бессмертного Кановы.

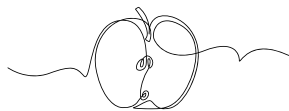
— Фью-ю-юить! — присвистнул Штрудден. — Сам Антонио Канова? Не может быть!

— Отчего же, любезный Аллоизий Петрович?

— Оттого, что это целое...

— Господа, — низким голосом перебила его баронесса, — давайте просто откроем и полюбуемся.

* *Present* — подарок (*фр.*). — *Здесь и далее примечания автора.*

— Предоставлю эту честь моей очаровательной невестке.

Витольд Генрихович придержал Исидорины пальчики, она зарумянилась спелым ранетом, взялась за угол тяжелого полотна и потянула на себя. Ткань поелозила по гладкому и обтекаемому, но не упала и не обнажила своего секрета. Роман Витольдович посчитал долгом прийти невесте на помощь. Они вдвоем приподняли чехол, стащили вперед, уложив на стол как смятую, но не истраченную в пиршестве скатерть.

Под музыку персикового заката на ореховом столе старшего Осинского проснулась мраморная богиня, полнокровная и царственная, уверенная в собственной неотразимости нынче и навсегда. Фигуру мастер выточил в розоватом камне и усадил на отполированный кусок порфира. Волосы, собранные по тогдашней греческой моде под обод, ложились крупными кудрями, густые и тяжелые. Левая рука прижимала к груди темно-бордовое яблоко из того же редкого и нелюбимого скульпторами камня. Правая протянулась к воображаемой плодовой ветви. Смеющееся, счастливое лицо тоже смотрело вверх — забава ей пришлось явно по душе. Урожай выдался щедрым, потому что в ногах лежали еще три порфирных яблока, а одно закатилось под пятку. Мраморная туника ниспадала широкими живописными волнами, под ней просматривалась круглая коленка, внизу выступала наружу обутая в сандалию ступня с аккуратными пальчиками, на каждом старательно выпиленный ноготок. Одевание сползло с плеча и до половины оголило тело — гладкое, трепетно живое, с убегающими в глубину прожилками.

— Скульптура называется «Персефона Ликующая», — оповестил Витольд Генрихович.

— Я так и уразумел, — обрадовался Аполлон Сергеевич. — Чудится, я уже имел удовольствие лицезреть ее летось во Флоренции. Еще некий конфуз стался с тамошним богачом... а в общем, полноте. — Он махнул рукой и зачем-то отошел к окну, встал спиной к свету.

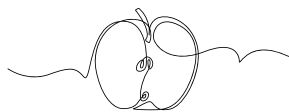
— Да-да, она обиталась в коллекции скандального заводчика и попала на аукцион в итоге его банкротства, — подхватил Витольд Генрихович. — Античные сюжеты продолжают занимать главенствующие места в скульптурном пантеоне, сколько ни минуло бы веков.

Роман Витольдович покосился на гостей, увидел на их лицах интерес и решил кратко пересказать миф:

— Персефона — дочь богини плодородия Деметры и супруга повелителя царства мертвых Аида. Он влюбился как я или почти как я, — в этом месте новообрученный хохотнул и покосился на свою невесту, — и выкрал возлюбленную у матери, чтобы сочетаться с ней браком. Деметра от огорчения усохла, и все живое на земле стало погибать. Тогда добрый царь богов Зевс попросил своего брата Аида изредка отпускать жену к ее матушке, дабы дать им взаимно насладиться обществом друг друга. Они пришли к замечательному compromise: две трети года Персефона гостит у Деметры, а одну треть живет с супругом, и тогда на земле наступает мертвая пора.

— То есть зима, — добавила Исидора.

— Мы поняли, — усмехнулся Штруdden, но молодой Осинский рассказывал не для него, а для

своих приятелей-балбесов, что предпочитали урокам словесности фехтовальные экзерсисы и заурядные пьянки.

— Это трогательная история о материнской любви. В античной мифологии таких наберется не много, чаще всего легкомысленные божества своих детей пожирают, предают и бросают. — Витольд Генрихович вступился за сына.

— Согласен. — Штрудден подошел поближе, протянул к скульптуре руку и потрогал за колено, потом за плечо, за волосы, нос, уши. — Отменная работа. Поздравляю.

— А о чем же она смеется? — Старший сын Кавы приблизился к столу и осторожно потрогал мрамор, как будто тот являл собой праздничный торт и мог испортиться от легкого тычка.

— Вот здесь у меня нет однозначного ответа, только предположения. — Витольд Генрихович подобрался, как профессор перед аудиторией, и принялся рассуждать: — Версий две. Первая скучная. Поводом для радости послужила очередная встреча с матерью — Деметрой Карпофорос, или Плодоносящей. В пользу этого предположения работают яблоки — вот, дескать, матушка возрадовалась явлению милой сердцу дочери и одарила урожаем. Видите? Второе же у меня получилось поинтереснее. Как вам известно, Аид, соскучившись в отсутствие благоверной, завел любовницу — обольстительную Минту. Персефона узнала о преступной связи и разорвала соперницу в клочья. Там, куда упали капли крови несчастной Минты, выросла душистая трава, названная в ее честь. По-русски это мята. А Персефона смеется, торжествуя избавление от соперницы.

— А при чем тут яблоки? — спросил Штрудден.

— Ни при чем. Это доказывает, что все подчинено воле богов. Это иносказание.

— А яблоки при том, что они бордовые, цвета крови, — вставил Кава.

— Но, *pardon*, яблоки и без того красные. — Банкир с истинно немецкой педантичностью гнул свою неинтересную линию.

— Просто у скульптора оказался под рукой порфир. Он же усадил ее на бордовый камень, значит, надобно цветные яблоки дать в поддержку.

— А почему бы не выпилить пень? С чего это она сидит на бруске?

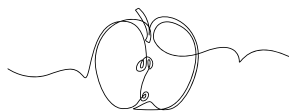
— Так пень-то бордовым не бывает! — засмеялся Кава. — Пеньки коричневые или желтенькие. А у него наличествовал именно порфир.

— А по мне так именно красный цвет делает ее радостной. В простом белом мраморе ей так не возликовать. — Хозяин рассмеялся.

— Согласен. Цвет добавляет настроения. Тут вы верно подметили. Но и намек на капли крови несчастной любовницы тоже завлекателен. Я бы склонился в эту сторону. Все-таки ничто не заставит женщину так веселиться, как гибель соперницы.

— Вообще-то мне думается, что в адюльтере следовало винить не любовницу, а ветреного мужа. — Исидора Альбертовна стояла рядом с обоями Осинскими и говорила тихо, но ее все равно услышали и удивились недевической смелости суждения. — Если ему прискучила жена, то он не ограничится одной Минтой, найдет себе другую.

— Нет-нет, *mon ami*. У Аида с Персефоновой сложился очень прочный брак в противовес

развращенным античным нравам. — Роман Витольдович приблизился к ней, словно желая прикрыть от недобрых взглядов.

— Да, пожалуй что так. Персефона добрая и сердечная, она встречала души умерших, провожала их в лодочке по реке Стикс, чтобы не так боялись неизведанной новой участи, — поддержал сына Витольд Генрихович.

— И все же он хотел прелюбодействовать с Минтой. — Исидора опустила глаза, ее щеки стали свекольными.

— Да полноте, душенька. — Добрый Аполлон Сергеевич не симпатизировал неудобным темам. — Это положительно символ матушкиной любви, и больше ничего.

— Совершенно так-с. — Стоявший уже у самого порога Штрудден резко обернулся.

— Ах, господа, ну что вы все о камне. — Зычный голос мадам Anastasie перекрыл недружный гомон спорщиков. — Пройдемте к закускам и шампанскому.

Общество мелкими шажками перетекало в гостиную с роялем, а оттуда в столовую, где прислуга уже накрыла столы. По паркету шаркали офицерские сапоги и постукивали деревянные каблучки. Беседа перешла на полутона. Мужчины обсуждали скачки, дамы сбились в кружок и нахваливали чье-то платье. Михаил Серапионович задержал Штруддена никчемным вопросом о коньяках, незаметно оттеснил к портьеру и ловким маневром вернул обратно к Персефоне.

— Мне, сударь, очень важно ваше мнение как человека сведущего. На мой вкус, эти кричащие яблоки портят произведение. Разве это не пошло?

— Разумеется, пошло. — Аллоизий Петрович говорил как о само собой разумеющемся, бытовом. — Это безвкусица, ремесло.

— Но как же так? Великий Канова и пошлость?

— Да это и не Канова. — Тон Штруддена не изменился, в голос не закрались ни интрига, ни скандал, ни кроткая снисходительность.

— Ах! — Кава прикрыл рот рукой.

— Ничего удивительного, подделки нынче не редкость.

— Господа, надеюсь, я не помешаю? — Между мундиром Михаила Серапионовича и фракком Штруддена возник круглый животик старшего Осинского. — Персефону обсуждаете? Нравится?

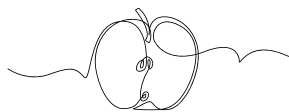
— Вы, сударь, имеете нужду в честном ответе или... — Аллоизий Петрович вопросительно приподнял правую бровь.

— Чур, чур вас! — Витольд Генрихович добродушно рассмеялся. — Я знаю, что это никакой не Канова и деньги за нее плачены совсем пустяковые. Пусть малышка Рогозина думает, что это шедевр, бог с ней. Разве кому-то станет хуже? Но, согласитесь, вещь забавная.

— Да, вполне. — Штрудден обрадовался, что скандала не будет, и стал заметно разговорчивее. — Яркость ее не портит. Яркость вообще ничего не портит. Искусству пора отходить от устоявшихся шаблонов, шагать не по прямой, а вбок. Тем паче эти яблоки поддерживают бордовый брусок под замечательной попкой и...

Осинский залился счастливым смехом:

— Открою вам секрет: я ведь приобрел ее не просто так, а из-за глупой легенды, даже поверья...

Anastasie уж больно по душе пришлась... Если желаете, я вам расскажу.

К порогу комнаты весело протопали молодые шаги.

— Рапа! Судари! Вас все заждались, к закускам не притрагиваются. — Роман Витольдович склонил набриолиненную голову в изящном поклоне, как делали ученые европейские мажордомы.

Троица кисло вздохнула и поплелась в столовую.

ГЛАВА 1

— Ох... И напрасно же вы полагаете, душа моя безгрешная, якобы пернатые брезгуют вином и... социалистами. — Поднаклюкавшаяся Царевна Лебедь интимно склонила картонную корону к плечу своей свекрови, хорошенькой барышни в черном, безуспешно притворявшейся дамой преклонных лет. — Подлейте-ка мне, матушка, еще красненького.

Псевдоцарица во вдовьем платке под собольей шапочкой заботливо добавила в старинный чеканный кубок клюквенного морса. Тяжелый сосуд устойчиво покоился на каменной столешнице в окружении засахаренных фруктов из папье-маше и глиняных блюд с разноцветными узелками, кои исполняли роль разносолов. Бумажная дичь за годы томления в кладовке изрядно подпортилась, и ее исключили из меню. Птица схватила кубок, серебро звякнуло неожиданно громко. За кулисы проник кулак князя Гвидона, погрозил шалуньям.

На собранной к празднествам сцене распался богатым басом дядька Черномор — господин Брандт, отставной помощник министра и хлебо-сольный хозяин. Госпожа Брандт поначалу намеревалась играть мать-царицу, но святочные хлопоты

